

Андрей Ганин

АРЕСТ И ОСВОБОЖДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ШТАБА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В АВГУСТЕ 1918 г.

АННОТАЦИЯ

Статья¹ посвящена истории ареста и освобождения группы сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. Впервые в научный оборот вводятся протоколы допросов бывшего генерала А.Л. Носовича и бывшего полковника А.Н. Ковалевского, ранее занимавших посты вр.и.д. военного руководителя округа и члена Военного совета соответственно. Аресты высокопоставленных военных специалистов прошли в Царицыне, а освобождение состоялось в Балашове, куда арестованных вывезла инспекционная группа Высшей военной инспекции. В результате видный деятель белого подполья А.Л. Носович оказался не разоблачен и продолжил свою подрывную работу в Красной армии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданская война в России; белое подполье; А.Л. Носович; А.Н. Ковалевский; Н.И. Подвойский; И.В. Сталин; Л.Д. Троцкий; Южный фронт; штаб Северо-Кавказского военного округа; Высшая военная инспекция.

ОДНИМ ИЗ НЕОДНОЗНАЧНЫХ ЭПИЗОДОВ короткой истории Северо-Кавказского военного округа первого формирования (май — сентябрь 1918 г.) стало отстранение от должностей, а затем кратковременный арест и освобождение бывшего генерала А.Л. Носовича и бывшего полковника А.Н. Ковалевского, ранее занимавших посты вр.и.д. военного руководителя округа и члена Военного совета соответственно. Изучение этого эпизода позволяет приблизиться к пониманию политики видного партийного руководителя в Царицыне И.В. Сталина в отношении структур округа, проверить данные о причастности арестованных к белому подполью в Красной армии² и установить причины скорого освобождения арестантов.

Мифологизация сталинских сюжетов истории Гражданской войны привела к тому, что честное и беспристрастное изучение этих событий оставалось принципиально невозможным на протяжении многих десятилетий. Искажения происходили как в сталинскую эпоху, так и позднее. При Сталине его деятельность в Гражданскую войну возвеличивалась и показывалась исключительно в светлых тонах, позднее же, наоборот, этому историческому деятелю стали приписывать избыточную жестокость и даже выводить из его царицынского опыта корни Большого террора. Если в сталинский период писали об обоснованности царицынских арестов и о том, что позднее арестованных освободил «вредитель» Л.Д. Троцкий³, то позднее акценты сменились на диаметрально противоположные. Историки стали писать, что необоснованно арестованные Сталиным в Царицыне военспецы были вскоре справедливо освобождены из-под ареста Высшей военной инспекцией, которая, проверив их деятельность, не нашла в ней ничего предосудительного и что ни о каком заговоре в штабе округа говорить не приходится⁴. В результате к сегодняшнему дню в историографии сложилась запутанная картина, разобратся в которой недостаточно подготовленные авторы не в состоянии. Все это порождает новейшие искажения и мифологизацию⁵.

Обнаружение нами новых документов по этой теме, включая уникальный личный архив А.Л. Носовича, хранящийся во Франции, а также сохранившуюся в фондах Российского государственного военного архива стенограмму допроса Носовича и Ковалевского председателем Высшей военной инспекции Н.И. Подвойским, позволило подойти к анализу тех событий на принципиально новом уровне.

И.В. Сталин был направлен в Царицын в конце мая 1918 г. в качестве общего руководителя продовольственного дела на Юге России, наделенного чрезвычайными полномочиями. «Наступление» на структуры располагавшегося в Царицыне штаба Северо-Кавказского военного округа, где служили бывшие офицеры, он начал вскоре по приезду. В конце июля — начале августа эти действия достигли своего апогея.

Обстановка лета 1918 г. в Поволжье была очень непростой и, безусловно, давала самые серьезные основания не доверять бывшим офицерам как в штабах военных округов, так и за их стенами. В регионе разгоралась полномасштабная Гражданская война. В июне на сторону антибольшевистских сил почти целиком перешел штаб Приволжского военного округа в Самаре⁶. В июле произошло Ярославское восстание, в котором среди прочих участвовали работники штаба Ярославского военного округа. В начале августа противники большевиков заняли Казань, где на их сторону перешли многие военспецы и почти в полном составе Военная академия⁷.

На фоне таких событий можно понять стремление Сталина взять ситуацию в Царицыне под свой контроль и, по возможности, ограничить полномочия военспецов. Серьезные шаги в этом направлении произошли во второй половине июля 1918 г. Тогда руководство операциями перешло к Военному совету округа в составе И.В. Сталина, С.К. Минина и А.Н. Ковалевского (вре-

менно)⁸. Вр.и.д. военрука вместо А.Е. Снесарева стал А.Л. Носович⁹. Комиссары округа Н.А. Анисимов и К.Я. Зедин были отправлены в длительные командировки.

В августе последовали еще более решительные действия. 1-2 августа на несколько часов кратковременному аресту по доносу подвергся вр.и.д. начальника окружного санитарного управления Краснорудский. Связаться с С.К. Мининым и И.В. Сталиным ему не позволили со следующей мотивировкой: *«Может случиться, что сегодня здесь вы, а завтра те лица, на авторитет которых в решении судьбы ареста вашего вы указываете»*¹⁰.

Военный совет 4 августа 1918 г. «в целях улучшения дела снабжения фронта»¹¹ ликвидировал окружное артиллерийское управление. Также ликвидировался штаб округа, который был заменен оперативным отделом при Военном совете во главе с Л.С. Соколовым. На следующий день были арестованы служащие артиллерийского управления, которых разместили в плавучей тюрьме на барже¹².

Недоверие к царицынским военспецам не было беспричинным. В штабе округа существовала подпольная антибольшевистская организация во главе с бывшим генералом А.Л. Носовичем. Арестованные были связаны с этой организацией. Существование заговора артиллерийских офицеров подтверждается в независимых материалах деникинской Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков¹³.

Носович был отстранен от должности, а в Военный совет округа вместо Ковалевского 4 августа вошел К.Е. Ворошилов. Разгром окружного военного комиссариата на этом не прекратился — 6 августа было ликвидировано окружное хозяйственное управление¹⁴. Царицынское самоуправство обеспокоило большевистских лидеров В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. В итоге на казачий и Северо-Кавказский фронты был командирован председатель Высшей военной инспекции Н.И. Подвойский *«с широкими полномочиями с целью устранения недоразумений, возникших между Северо-Кавказским округом и Военным советом, разделения сфер влияния их, а также для приведения этих фронтов в боевое победное состояние»*¹⁵.

Тем временем положение военспецов в Царицыне усугублялось. 10 августа 1918 г. за преступное бездействие и саботаж были арестованы Носович и Ковалевский¹⁶. В тот же день Высший военный совет постановил прекратить ликвидацию военного комиссариата Северо-Кавказского военного округа¹⁷. На месте линию центра проводили представители Высшей военной инспекции, в результате вмешательства которой уже 13 августа Носовича и Ковалевского выпустили на поруки инспекции. В Царицыне и Астрахани тогда работала инспекционная группа, которая проверяла работу округа. Перед Военным советом округа был поставлен вопрос — предъявить Носовичу обвинение или отправить его в Москву в распоряжение Высшего военного совета, от которого он получил назначение.

В итоге военспецов отдали на поруки инспекционной группе для отправки на допрос в Балашов и далее в Москву. Невыполнение задач приписали

саботажу местных властей и неотзывчивости центра. Кроме того, о превышении Сталиным власти было сообщено Троцкому и Подвойскому. В тот же день на пароходе «Гроза» вместе с инспекционной группой освобожденные военспецы уехали в Камышин.

После дезертирства Носовича участники событий задним числом вспоминали про подозрительность военспеца. Порой в этих характеристиках встречаются ценные наблюдения. Так, комиссар Высшей военной инспекции С.С. Иоффе сообщал 10 ноября 1918 г. Н.И. Подвойскому: *«Носович и Ковалевский обвинялись в Царицыне т.т. Сергеем Мининым и Сталиным в саботаже, бюрократизме, даже в измене (были данные об их сношениях с англо-французскими консулами). В беседе со мной перед отъездом Минин заявил, чтобы мы их, Носовича и Ковалевского, забрали для суда в Москву, так как им в Царицыне делать нечего, и судить их удобнее в центре.*

Я, [Г.Д.] Базилевич и Никольский держали их на пароходе под домашним арестом и доставили в распоряжение т. Подвойского.

Это люди были, безусловно, не надежные. Я подал отзыв такого содержания и о Носовиче и о Ковалевском. Базилевич, назначенный командиром Балашово-Камышинского участка отказался назначать себе в помощники Носовича и назначил помощником бывшего под рукой своего человека [А.К.] Степина»¹⁸.

В Балашове, куда Носович и Ковалевский прибыли 16–17 августа, они пользовались достаточной свободой и могли бежать. В качестве свидетелей вместе с Носовичем в Балашов отправились все три его адъютанта — также активные участники подпольной работы. Здесь же произошла встреча с П.П. Сытиным, оказавшая влияние на последующую службу Носовича.

Подвойский собрал противоречивый материал о деятельности Носовича и его сотрудников. В его распоряжении имелись лишь доклад самого Носовича, доклады членов инспекции, а также письмо С.К. Минина из Царицына от 21 августа 1918 г. с призывом не верить спецам. 23 августа Подвойский предложил нескольким сотрудникам дать отзывы о Носовиче. Среди них были военком инспекции С.С. Иоффе, бывший генерал П.П. Сытин и сотрудник по фамилии Губин. Обвинения содержал только отзыв Иоффе, повторивший оценки Сталина.

Как раз в период расследования дела Носовича Царицынская ЧК раскрыла заговор организации инженера Н.П. Алексева, с которой у военспеца, по его позднему мемуарному свидетельству, была установлена связь¹⁹. В литературе встречаются утверждения о том, что дело было сфабриковано, и царицынский опыт стал первой пробой последующих методов сталинской репрессивной политики²⁰, что противоречит свидетельствам со стороны белых.

Если верить Носовичу, алексеевская организация включала трудовую офицерскую артель²¹. Алексеев прибыл в Царицын летом 1918 г. из Москвы с крупной суммой денег (до 9 млн руб.) и поручением московского подполья вести нелегальную работу. То, что Алексеев действительно состоял в белом подполье, подтверждается материалами Особой комиссии по расследованию

злodeяний большевиков, состоявшей при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России²². Материалы расследования соответствуют и свидетельствам Носовича.

В этих материалах отмечалось, что «с августа 1918 года в Царицыне начался целый ряд восстаний и заговоров, также не имевших, впрочем, успеха и раскрытых из-за отсутствия достаточной организации и вследствие предательства некоторых участников... был заговор, организованный прибывшим из Москвы правым эсером, инженером Алексеевым и местным присяжным поверенным [И.И.] Котовым. Инженер Алексеев был виднейшим представителем московской организации. Прибыв в Царицын, он вошел в связь с бывшею там офицерскою боевою дружиною юго-востока России и, по соглашению с представителями организаций Астрахани, Саратова и Балашова в ночь на 5-е августа²³, в[о] исполнение приказа, исходившего от командования Донской армии, было назначено во всех этих городах общее выступление с целью свержения Советской власти. Но за 8 часов до начала выступления заговор был раскрыт вследствие предательства одного из его членов, поручика Степаньянца, получившего от большевиков за эту выдачу 10 000 рублей, а затем поступившего к ним на службу в чрезвычайку»²⁴.

По воспоминаниям Носовича, ошибкой Алексеева стала ориентация на подкуп военнопленных-славян из сербского батальона, которых Носович и сербская военная миссия считали ненадежными. С их помощью Алексеев рассчитывал поднять восстание и захватить Царицын, но был разоблачен. Разоблачение группы Алексеева Носович связывал с тем, что «желание во что бы то ни стало увеличить механическую силу организации лишило ее осторожности и строгой конспирации. Приличный на вид помощник коменданта города Царицына проник туда и выведal многое, даже где лежали деньги. Наше счастье, что пароход отошел, и мы попали на него до раскрытия заговора, иначе был бы конец. Надо подчеркнуть здесь одно важное обстоятельство, что я, как стоявший на таком видном посту, конечно, не мог непосредственно входить ни в переговоры, ни вообще в явные сношения с организацией. Все сношения велись адъютантами, главным образом, поруч[иком] [С.М.] Кремковым, отчасти пор[учиком] [Л.С.] Садковским, который в это время был в командировке с генералом Снесаревым, сопровождая его в Москву. Кроме того записей и списков не велось. А самая главная ошибка Сталина заключалась в молниеносном расстреле гаварей: Алексеева и его штаба»²⁵. В ночь на 18 августа руководителей заговора арестовала Царицынская ЧК. Не менее 23 человек (в том числе инженер Алексеев и двое его сыновей) оказались расстреляны²⁶. Большинство расстрелянных являлись младшими офицерами. Отметим, что вопрос о заговоре Алексеева интересовал сотрудников Высшей военной инспекции даже в январе 1919 г. — спустя пять месяцев после арестов²⁷.

24 августа Подвойский лично допросил Носовича и Ковалевского. Впрочем, их спокойную и доброжелательную беседу сложно назвать допросом. Тем более что материалы по этому делу из Царицына получены не были, предполагалось, что их отправили уже в Москву. Это существенно облегчало положение подозреваемых, которые могли легко ввести неподготовленного

Подвойского в заблуждение. До наших дней сохранилась машинописная стенограмма допроса, являющаяся, несмотря на ряд ошибок в фамилиях, интереснейшим историческим документом.

Подвойский начал с вопроса об уклонении спецов от службы на фронте и об алексеевском заговоре:

«Подвойский. Меня интересуют вот какие вопросы: общую обстановку там работы я себе уяснил, специфически мне важно было бы, чтобы вы все-таки попробовали ответить на такие вопросы, на которые мне не ответили ни ваши доклады, ни другие доклады. Во 1-х, был целый ряд сообщений военного совета, раньше военного округа, на которых поднимался вопрос участия военных специалистов в боевой работе. Это было еще в Москве, я имел задачу проинспектировать и уладить вопрос относительно военных руководителей. Там уже получились известия от военного совета, и потом ко мне поступило заявление и к Троцкому о том, что военные руководители уклоняются с одной стороны от непосредственного участия в боевых задачах и от командования и ограничиваются только такой формулой трафаретной, что мы организационной работой должны заниматься, и организационные работы военного округа не имеют никакого отношения к полевой работе, и так как нас пригласили для этой работы, то мы не считаем себя обязанными принимать в этом участие. Потом дальнейшее сообщение указывает на то, что тут просто был анализ политической обстановки, который не позволяет военным руководителям участвовать в борьбе с казаками. Это первый вопрос, потом при вас это было, что раскрыт заговор в Царицыне?»

Носович и Ковалевский. Нет!

Подвойский. А с Алексеевым у вас какое-нибудь знакомство было?

Носович. Абсолютно никакого. Которого числа был раскрыт заговор?

Под[войский]. 13-го августа²⁸.

Носович. Десятого мы были лишены свободы.

Под[войский]. А потом, в частности относительно артиллерийского управления и довольствия и системы довольствия огневым материалом, потому что здесь всех, кроме саботажа и в злонамеренности подозревают, не вас именно, а вообще во всех учреждениях округа, а, следовательно, косвенно и вас.

Носович. Разрешите дать общую картину в сжатом виде. По 1-му вопросу об уклонении офицеров вообще от боевой деятельности. Штаб лично никогда не уклоняется от боевой деятельности. С самого начала, как только мы приехали, даже когда мы еще ехали по железн[ой] дороге, военрук Снесарев фактически давал указания всем, начиная с т. [Г.К.] Петрова в Алексиково, т. [Ф.К.] Миронову в Серебрякове и [А.П.] Шамову в Арчаде. По приезде в Царицын он проехал в Тихорецкую и дал много указаний Калнингу²⁹ специально боевых. После этого было с нами маленькое заседание, и мы решили сделать доклад о том, что идея штаба округа есть организация будущего войска, и нам нельзя разрываться, то мы просим 2-х помощников для установления нечто вроде завесы.

Бумага эта пошла 8-го июня, и 12-го или 15-го мы получили телеграмму, что нам даны 2 помощника или 3 специально для боевых задач. Тем не менее, в ожидании этих помощников включительно до 22-го июля все руководство боевыми операциями

частей вел штаб округа, причем из них более месяца все боевые операции и все снабжение округа шло исключительно через наш штаб Северо-Кавказского округа³⁰.

Уклонения от этого совершенно не было, причем Снесарев все время указывал наверху, что необходимо дать хоть некоторую реальную силу самому штабу округа в виде дивизии, а кроме того необходимо прислать этих помощников, потому что штаб округа не может разорваться и на организационную работу, и на оперативную. Это мы все время указывали, причем ни разу мы не отказывались от этой работы.

Когда появился Военный совет, мы ждали от него этого облегчения. Почему мы указали в военном совете, что не можем работать. Я первый указал на это, первое движение было то, что я должен был остаться в штабе как военрук, 2-ое, что бумага о нашем назначении самого Троцкого была такова, что это временное только назначение военного руководителя, а в дальнейшем военрука вам дадут из инспекции Подвойского. У меня есть копия этой бумаги, где прямо указано. Ни я, ни мой т. Ковалевский не отказывались от консультантства в военном совете, предлагая продолжать свою задачу и быть консультантами, на что нам было отвечено, что консультировать вы будете, а ответственность не берете. На это мы ответили, что трудно брать на себя одну треть ответственности, потому что 2/3 всегда перетянут. Первый приказ был отредактирован вопреки моему указанию, ввиду этого мне пришлось отказаться исключительно от ответственности за консультацию.

Под[войский]. У вас копия приказа с вами?

Нос[ович]. Нам не позволили взять ничего с собой, ни одной бумаги.

В дальнейшем относительно того, что офицерство вообще отказывается от того, чтобы быть руководителями, опять-таки это было вызвано исключительно тем, что те офицеры, которые желали идти в руководители, спрашивали одно. Хорошо, вы говорите нам все обязанности, я обязан то-то и то-то, а права мои где. Кто меня гарантирует, что меня не будут третировать так, как мне полагается в смысле начальника. Вот это было краеугольным камнем каждого офицера. В штаб все хотели идти, потому что штаб представляет из себя собрание более или менее порядочных людей и вы не рискуете быть скомпрометированы обхождением. Когда войска стали просить специалистов, мы собрали 5 офицеров-сербов по рекомендации Минина и послали на фронт, но их не приняли войска. Только что сами просили руководителей, когда же послали, не принимают или говорят нам это не нужно, пришлите нам батальон офицеров, просто им нужен был лишний батальон. Затем кругом Царицына стоят войска, настолько сжившиеся друг с другом, что они военруков совершенно не желают иметь.

Относительно того, что мы против казаков не хотим идти, наоборот, мы указывали сначала прямо, что как Дон стоит на платформе немецкой, то это снимает с нас всякую ответственность в том, что мы идем на братоубийственную войну.

Под[войский]. А не наоборот.

Нос[ович]. Нет, определено мы говорили и [Е.И.] Чикваная³¹ и Сталину, что, так как Дон стоит на немецкой платформе, то с нас совершенно довольно.

Под[войский]. Мне прямо и определено указывали, что было одно заседание, на котором Снесарев заявил, что я к большому сожалению не имею документов, что

с казаками мы не можем бороться, что мы с ними можем бороться только тогда, если получим доказательство того, что казаки пользуются помощью немцев. Когда указывали на то, что имеются бризантные снаряды, что несколько офицеров было поймано немцев и даже было еще не помню что-то, тогда говорили, что может быть так, а может быть и нет и что здесь Носовичу, когда более конкретно поставили вопрос, от него не получили ответа.

Вот у меня такие сведения были. Я документов не просматривал, но они были получены в Высшем военном совете.

Нос[ович]. Я был на этом заседании, но Снесарева не было, очень жалко, что там не было стенографистки, потому что люди играли словами во зло. Здесь был и т. [В.С.] Ковалев³², с которым вы познакомились. Т. Ковалев сказал, что нам в нашей борьбе внутренней специалисты совершенно не нужны, мы им не доверяем, и они нам только путают, потому что не нужны никакие специальности, а нужно знать дух казаков. Он был председателем Донского ЦИК и говорил, я совершенно во внутренней борьбе специалистов не хочу. Тогда я поднимаюсь и говорю: Я приветствую слова Ковалева о том, что им не нужны специалисты в борьбе внутренней, не потому что я не хочу участвовать в этой внутренней борьбе, так как мне известно, что Дон стоит на немецкой платформе, а в том, что он будет относиться к нам с недоверием. Но все, что нужно им в смысле постановки снаряжения, я как начальник штаба военного округа обязан получить из Москвы и все представить. Мы будем в смысле оперативном помогать, а главное внимание будем обращать на Батайский фронт. На следующий день ко мне пришли и сказали: Что вы там такое говорили, что вы отказываетесь. Я сказал, что жалею, что нет стенографов и что в то время, когда идет митинг, каждый противник может жонглировать словами. У меня был случай на фронте, когда я говорил своему полку, что вы не желаете делать передовых укрепленных линий, так если говорите, что пойдете без них, то идите, но не сетуйте, если вас перестреляет противник, а то тогда вы будете упрекать меня за это. На следующий день говорят, что командир приказал всех расстреливать. Так перековеркать слова можно всегда. Я сказал Минину — справляйтесь сами, а что вам нужно, мы будем содействовать. Тем более что мы не имели еще этой завесы, и все оперативные приказы исходили от нас и единственно, что нам мешало — это постоянная самочинность всех от мала до велика.

Под[войский]. А что вы сделали, чтобы исправить то, что предписывалось нам, вы не написали ни рапорта, ничего такого, что вот вчерашняя речь ваша была истолкована таким образом.

Нос[ович]. Опять-таки это хорошо здесь рассуждать, а там-то что мне сказали — это моментально перевернулось, забылось и в дальнейшей работе в следующих распоряжениях это было пудом, потому что на следующий же день я отдаю приказ идти Миронову против казаков, и Миронов был единственным из тех, которые каждое распоряжение проводили в жизнь. Он действительно немножко самостоятелен, но он безусловно проводил все в жизнь.

Ковалевский. Позвольте добавить о характерном заседании 6-го июня, когда прибыли т.т. Сталин и Чикваная. Был вызван наш Ястребов, но он не мог быть и просил меня быть на заседании. Очень было горячее заседание, Сталин требовал,

чтобы мы открыли наступательное действие против Морозовской станции, чтобы освободить те войска, которые пришли. Я отказался, зная, что делается на фронте, что войск совершенно не было, и попытка продвинуться потерпела бы крах, но товарищ Чикваная, человек очень нервный, вскочил и закричал: Эти специалисты нам не нужны, мы разбили под Ростовом, там-то и там-то. Я сказал, что не забудьте, что в этой войне, при этой операции будет кровь, а когда вы задумываете какую-нибудь операцию, подумайте о той крови, которая прольется. Меня не послушали, решили наступать, наступление произвели крайне печальное, после которого откатились на 20 верст обратно. Тогда заговорили, что такое специалисты по внутренней борьбе. Я сказал, что если бы меня послали против уральских казаков, то я бы не пошел, потому что у них нет никакой организации, у них только политические отношения, а донские казаки, у них определенно немецкая ориентация, и значит они не наши, поэтому с ними драться можно со спокойной совестью, они мешают нашей цели объединения России и вообще слова не важны, а важны дела.

Под[войский]. Не запротоколировано это заседание.

Ков[алевский]. Никаких протоколов не было.

Под[войский]. Не забывают следующее, что Сталин и Минин все время находились в атмосфере раскаленного состояния, здесь каждое слово могло быть истолковано и восприняться не объективно, а субъективно. Я не хочу думать, что кто-нибудь думал строить все на неправильных своих выводах.

Ков[алевский]. Документы все наши есть в Высшем военном совете»³³.

Объяснения Носовича выглядели неубедительно. Из стенограммы видно, как Носович сумел ввести Подвойского в заблуждение относительно своих мотивов, заявив, что пронемецкая ориентация донских казаков якобы сняла с военспецов ответственность за участие в братоубийственной войне. При этом о пронемецкой ориентации большевиков, в которой были убеждены военспецы (в мемуарах Носович постоянно ругал большевиков за это), речи не шло. Объяснение было столь нелепым, что Подвойский даже переспросил Носовича. Последний же увел беседу в сторону, рассуждая о возможности искажения своих мыслей. Не преминул он пожаловаться и на партизанщину в войсках, при которой существовала «постоянная самочинность всех от мала до велика».

Какую-либо связь с подпольем Носович отрицал. Далее в стенограмме отмечено:

«Нос[ович]. Теперь насчет заговора. Относительно заговора я абсолютно не знал ни единого слова. Во всяком случае я считаю, что пост почти постоянный временного военрука на таком виду, что во всяком случае я не о 2-х головах, чтобы, состоя начальником штаба, держать в руках какие-нибудь нити заговора. Мы держались настолько в стороне, что когда нам с[о] Снесаревым пришлось постоянно встречаться с нашими бывшими союзниками, французы, американцы, сербы часто приходили к нам, то в видах нашего обеспечения мы дали телеграмму в Москву о том, что нам постоянно приходится встречаться с ними, какие будут указания, потому что в наших правилах ничего нету. Нам был ответ: все будет проходить через нар-

ком[а] Сталина, все, что касается инстанций. Об этом была послана телеграмма и все к нему направлялись.

Относительно заговора после 10-го мне ничего не известно, но если наше задержание произошло, то может быть опасались, что этот заговор имеется и у нас, но если бы они нам предъявили известное обвинение, то мы бы ответили, а мы были там 3 суток и просили предъявить обвинение и указать, за что мы задержаны или каким образом не могли нам ничего сказать, потому что, безусловно, мы служили таким образом, что никто не может поставить в упрёк»³⁴.

В своих мемуарах Носович описал эпизод с допросом Подвойского. Он отметил, что их с Ковалевским обвиняли в сношениях с союзниками, саботаже, отказе руководить операциями и в связи с царицынским подпольем. Однако пункты обвинения не выдерживали критики. Большевистское руководство само официально поддерживало контакты с военными миссиями союзников, аналогичные действия на местах относились к компетенции окружных штабов. Относительно саботажа Носович пояснил, что истинными саботажниками являлись местные власти. Третий пункт был несостоятелен, поскольку Носович лично писал приказы. Что касается четвертого пункта, то на вопрос о связи с алексеевской организацией Носович ответил быстро, благодаря совпадению фамилий генерала М.В. Алексева и инженера Н.П. Алексева: «Этого вопроса я совершенно не ожидал, и на свое счастье буквально понял его как причастность к Добровольч[еской] армии»³⁵. Какое? — изумился я. Да между нами 300 верст. Я только знаю, кто такой генерал Алексеев и знаю, что есть такая армия. Это было сказано так быстро и так наивно и искренно, что, когда мои следователи объяснили мне, что вопрос относится к инженеру Алексееву, уже расстрелянному в г. Царицыне, я вполне ориентировался и также наивно отрицался, как наивно воскликнул в первый раз»³⁶.

Это мемуарное свидетельство совпадает со стенограммой допроса: «Что касается Алексева, то связь моя с ним не идет далее того, что я знал, что он был верховным главнокомандующим и бывшим руководителем в академии Генерального штаба, я знал, что это Алексеев, он может быть знал, что я — Носович»³⁷. Однако ранее на том же допросе уже поднимался вопрос о раскрытии заговора Алексева в Царицыне, и проговорка Носовича свидетельствовала, что в действительности он понимал, о ком шла речь. Тогда на вопрос Подвойского: «А с Алексеевым у вас какое-нибудь знакомство было», Носович ответил: «Абсолютно никакого. Которого числа был раскрыт заговор?» Очевидно, стенограмму никто по итогам разговора не анализировал, поэтому на нестыковку не обратили внимания.

Далее стенограмма гласит:

«Под[войский]. Нет, в Царицыне Алексеев был, там были большие деньги найдены, во главе стоял Алексеев, который получил от Троцкого мандат.

Нос[ович]. Об этом я ничего не знаю.

Под[войский]. С 2-мя сыновьями. В сущности дела все у них и сосредоточивалось.

Ков[алевский]. Какую роль они играли.

Под[войский]. Не знаю, деньги там были большие, миллионы.

Нос[ович]. Алексеев ни разу ко мне не приходил и мандата такого я не видал и опять-таки я подчеркиваю, что во всех этих подозрительных актах бывало то, что очень часто нарком Сталин или просто комиссары Зедин³⁸ или Анисимов получали телеграммы комиссариатские шифрованные или нешифрованные, которые военруку не были известны. Например, у меня был конфликт, который, к счастью, открылся, потому что здесь был посторонний комиссар, который привез оружие из Москвы и просил переправить в Терскую область. Это было в то время, когда Кизляр был взят казаками. Приезжает ко мне комиссар, так как т. Сталина и др. в это время не было, просит: нужно 3 миллиона патронов переправить. Я даю телеграмму, чтобы дать пароход и везти. Вдруг приезжает Зедин: Что вы сделали, это контрреволюция. Оказывается они знают, что Кизляр осажден 2 дня, а мы ничего не знали. К счастью был этот военный комиссар, а то иначе как бы я мог доказать, что я прав³⁹.

Коснулся Носович и вопроса об арестах сотрудников артиллерийского управления. Военспец упирал на то, что при этом не был соблюден должный порядок, а самим сотрудникам приходилось преодолевать саботаж на местах:

«Относительно артиллерийского управления могу сказать. Сегодня или вчера я в центральных “Известиях” прочел, что в Ярославле, оказывается, артиллерийское управление не было центром заговора, а там только были отдельные личности. Может быть что-нибудь и было, без сомнения и в нашем артиллерийском управлении, но вероятно меньше, чем в Ярославле. Почему, да на основании того, что Царицын всегда был очень самостоятелен и играл колоссальную роль в нашем артиллерийском управлении, царицынский штаб обороны прятал все запасы, какие только были, чтобы предпринимать с главнокомандующим Царицынского фронта [И.В.] Тулаком всякие операции, которые обсуждались без всяких военных специалистов и вели к тому, что Калач оставлен был не занятым и войска были поставлены от Царицына до Карповки, т.е. до 20-ти верст от Царицына. Эту операцию начал военрук Крачковский⁴⁰, довольно энергичный человек, но беспорядочный.

Относительно артиллерийского довольствия, начиная со 2-го июня, с первого заседания у меня есть ряд телеграмм [А.А.] Маниковского⁴¹ [Е.И.] Мартынову⁴²: дайте мне столько-то и столько-то, но попутно с этим все, что только было в Царицыне, было припрятано, и мы с трудом доставали патроны и затыкали фронт, но надо сказать, что работа артиллерийского управления была на высоте своего призвания, потому что оно работало по снабжению фронта и потом еще по разбиванию саботажа, который царил кругом него. В этом саботаже были даже замечены такие лица, как Минин, [Я.З.] Ерман. Был такой случай: нужны были во что бы то ни стало 2 броневика. Дайте броневик, нет броневика, у нас только 1 машина около совдепа. Иду вечером, случайно встречаю знакомую барышню. Вы откуда. Иду с благородного собрания, там переправлялись броневики. Какие броневики, их нет. Да там 4 броневика стоят. Я к Ерману: т. начальник связи, разве у нас есть 4 броневика, он смутился, да, говорит, они не совсем исправны и т.д. Саботаж доходил до того, что сама власть царицынская не отправляла броневиков на фронт, они были нужны в Царицыне, потому что назревала операция. Нам как штабу нужно было знать, где хуже, чтобы туда посылать. Требования приходили колоссальные,

миллионы патронов. Есть телеграммы, где требуют тысячу человек в полном вооружении, 15 пулеметов, 3 миллиона патронов, 4 орудия 3-х дюймовых, 2 шестидюймовых, это все требовалось на станцию Жутово и было послано около 5 миллионов патронов. За пребывание Военного совета за 2 недели более 17 миллионов патронов было сквозь пальцы пропущено. Патроны — такая вещь, что вы их не проверите, ушли на 10 шагов вперед и бросили их»⁴³.

Ковалевский поддержал Носовича: «По одному разезду, например, было вытущено 80 орудийных снарядов и 2000 патронов, был командир⁴⁴ [К.И.] Пржебыльский⁴⁵, который все маневрировал, подписывал эти огульные обвинения, которые ничем нельзя доказать. Начальник штаба, временно исполнявший должность руководителя, говорит: Да назначьте комиссию, пойдите, проверьте бумаги. Никто не пошел проверять бумаги уездной контрразведки. Пять дней их держат, после прибегает комиссар, говорит: Мне ставят в вину, что 8 вагонов пропали. Минин два вагона взял, Сталин 2 вагона, потом еще военный контролер появился, [М.Л.] Рухимович. Вдруг я получаю бумажку от Ворошилова⁴⁶: «Пришлите немедленно 15, вы знаете чего, положение такое, что они необходимы». Рухимович требует: Немедленно выдайте Рухимовичу 15 пулеметов. Рухимович был мне совершенно неизвестен. Я пишу, что Рухимовича не знаю и по такой телеграмме выдать 15 пулеметов не могу, нужно составить требование. Целый скандал: Да ведь это известно, что пулеметы. Какое же такое может быть положение, и разве можно Рухимовичу выдавать. Ведь это то, против чего мы боремся, мы призваны порядок наводить, а при таком беспорядке мы от Москвы отойдем, не только от Царицына. Поэтому артиллерийское управление, которое должно было всех нажимать⁴⁷, более всего беспокоило всех. Мы знали, что приходит, что отпускается, каждый патрон был записан. 8 вагонов якобы пропали, потом нашлись, сам комиссар признался, что по словесному приказу Минина и Сталина были отправлены. А огульное обвинение всего управления, более чем неправдоподобно, тем более что Москва при всем желании нас удовлетворить в той мере, в какой мы требовали, не могла, и те требования, которые я писал в начале июня, начали приходиться в 20-х числах июня и в это время, как назло совету, был прорыв на Алексиково. Мы его ликвидировали. Был прорыв на Тихорецкой, мы начали его ликвидировать, но в это время начались требования, во что бы то ни стало идти на юг. Зная, что назревает по разным контрразведочным сведениям, я доказывал всем на всех совещаниях, что необходимо оставить отдушину на севере, без отдушины на севере Царицын не может существовать. Был такой приказ 928 или 26, который, когда был Военный совет, говорит о том, что мы запрещаем двигаться на юг, так как надо раньше как следует ликвидировать север. Что толку, если дойдем до Тихорецкой, если Царицын от Грязей и Волгу перервут. Мы на этом настаивали, и это было подписано Снесаревым и Зединым. Сталин говорит, что это контрреволюция. Я это понимаю, он комиссар по продовольствию, и у него была задача доставлять хлеб из Тихорецкой, конечно, все внимание его было обращено на это. И в дальнейшем мои слова были оправданы. Вместо того, чтобы 15 000 Ворошилову доставить, взять в Царицыне и продвинуть на север, этот ударный кулак направить на север ликвидировать наступление казаков на Алексиково, вышло, что мы из этой группы двух тысяч не могли доставить. Они переправились,

и через 7 дней мы просили 2000, но, зная как трудно достать от современных войск помощь, решено было сделать так: поехали Сталин, Минин, Зедин и [Р.Я.] Левин⁴⁸ к Ворошилову и доказали т. Ворошилову, что для удара общего необходимо дать 2000 бойцов на юг, чтобы надавить на юг, привлечь внимание от севера, а в это время север был еще свободен. Но, несмотря на эту поездку, ни одного бойца из группы Ворошилов не дал. Значит самый корень всех неудач даже не в военном руководителе, даже, может быть, не в своевременном снабжении патронами, а в том только, что, несмотря на разговоры самые серьезные, войска идут только туда, где им ставят ловушки. И мы об этом только говорили, что не нужно идти на юг, потому что казаки вас затягивают, а после дадут в тыл удар. Давайте в обеспечение Царицына от отрезывания по речкам Карповке и Песковатке построим в два ряда окопы и по Дону обеспечим себе движение на север. На это не согласились, потому что было желание лезть в мешок на юг.

Я еще раз подчеркиваю, что артиллерийское управление и масса тех офицеров, которые были арестованы в Царицыне без всякого сомнения на 90% не были виноваты, а в артиллерийском управлении никто не мог сделать ничего выдающегося, потому что получалось предписание, на котором написано: выслать столько-то патронов туда-то»⁴⁹.

Далее в стенограмме сообщалось: «Подв[ойский]: А выдача казакам через какие-нибудь руки.

Ковал[евский]. По-моему это абсолютно нельзя было сделать, потому что здесь все сосредоточивалось, весь подвоз по железной дороге, значит, нагрюзить на подводы и вывезти из Царицына это невозможно. Почему? Да потому, что Царицын окружен был цепью войск. Нагрюзить же в вагоны и вывезти по линии тоже невозможно. А бывали, может быть, самочинные распоряжения войск, этого я не могу знать, я не знал ни одного случая, но некоторые намеки были, что грузы пока идут до Жутова, кто-нибудь из власть имущих что-нибудь себе добывал революционным путем. Это может быть бывало.

Подв[ойский]. До вас не доносилось, что артиллерийское управление передает врагам боевые материалы?

Носов[ич]. До ареста артиллерийского управления ни одного слова мне никто не говорил, и после ареста мне ни Сталин, ни Минин ни разу не сказали, в чем артиллерийское управление обвиняется. Я пришел, сказал: вы арестовали артиллерийское управление. — Да. А вы, как начальник штаба, ликвидируетесь. Я говорю: Это незаконно. — У нас это теперь законно, это не ваше дело, вы больше не начальник штаба. Я сказал, что я все-таки временный военрук, потому что я назначен из центра. — Ну, это мы не будем об этом разговаривать. И я опять-таки подчеркиваю, что если бы меня как военрука и начальника штаба вызвали и сказали, что вот какие сведения есть про артиллерийское управление, будьте любезны опровергнуть или что вы можете на это сделать. Я бы сказал: с утра завтра или немедленно созвать всех и произвести ревизию дел, не выходя из управления. Пускай присутствуют Сталин, Минин, люди знающие (но только уполномоченные) и давайте проверим. Только таким образом законным и правильным все можно сделать. А то арестовывают, какая-то контрразведка имеется, я сам ничего не знаю. Ну,

скажем, мне не доверяют. А то с 5-го числа ликвидировано артиллерийское управление, ликвидирован штаб, я как военрук остаюсь, обвинения мне не предъявлено, какие меры принимать, меня не спрашивают, что же я могу делать. Я остаюсь буквально в недоумении. Характерно, что все теперешнее управление военное царицынское сплошь набрано из группы войск Ворошилова. Между прочим т. Рухимович⁵⁰ был контролером назначен, и контроль был довольно странный. Вдруг, через семь дней после этого военрук узнает, что существует военный контроль по назначению Минина, Сталина, Зедина. Появился новый военный контроль»⁵¹.

Отдельным пунктом допроса были связи Носовича с союзниками. Стенограмма в этой части гласит:

«Подв[ойский]. Скажите, вот эта французская миссия или что там, она жила во втором этаже или она была в 3-м этаже?

Носов[ич]. Французский консул до нас был и нам, штабу, не было дела, где жил французский консул, потому что французский консул — лицо экстерриториальное и что французский консул жил около для меня это безразлично, потому что у меня бумаги не валяются, а если бы была нужна связь, то для этого не надо было жить рядом. Не я его поселил там. В первом этаже было наше хозяйственное и административное управление, во втором — комиссариат и штаб, в третьем этаже был прием французского консула от 14–18 часов, а направо был комиссариат, политическая секция, агитационный отдел. Так что этот французский консул был там совершенно независимо от меня, а я как человек, понимающий дипломатические отношения, знал, что выселить его не могу. И, наоборот, когда говорили, что он вам мешает, я говорил, что нисколько не мешает, пусть живет»⁵².

На наш взгляд, это объяснение Носовича не выглядит особенно убедительным.

После этого обсуждение коснулось вопроса о связях штаба с противником:

«Подв[ойский]. Вы ведали разведкой, вы, может быть, познакомите, хоть в двух словах, не встречалось ли в вашей деятельности чего такого, что давало бы основание предполагать, что, ставя разведку, входили в связь с командованием казаков.

Ковал[евский]. Может быть против меня сыграли. Об этом вам доложит т. Базилевич, который меня ревизовал. Если мне нужно оправдываться в чем-нибудь, то этот отдел наиболее меня оправдает. Я первый, который это дело там поставил, как агентурную разведку. Меня обвинять в чем угодно можно, но дело само доказывает. В журнале все видно, кому дано и т.д. Я специалист и очень незаурядный в области разведки. Начать с того, что задача была поставлена — узнать, есть ли связь немцев с казаками, это было очень важно, затем, попутно, все силы. И вы увидите каждый день полную картину по донесениям разведчиков, где какие части стояли. Это служит лучшим доказательством того, что мы работали в такт, а не под углом.

Носов[ич]. Относительно того, что были добыты немецкие офицеры, ни разу не было подтверждено. Мы все усилия направляли к тому, чтобы отыскать этих господ и говорили: я сам его застрелю, но дайте хоть одного живого. Я поражаю ряду телеграмм Миронова и Яковлева и Снесарева: взяли Калач, 50 человек, опившись

сырой воды, умерли. 30 человек от солнечного удара умерли. И, что касается вашего приказа, то под ним мы подписываемся обеими руками, но наше требование порядка, каждое требование отчета, сейчас же истолковывалось как контрреволюция. И когда говорят, что вопрос в недочетах, я говорю: я бы с удовольствием отдал Царицын, но с тем, чтобы всю армию взять, переформировать и через месяц Царицын захватить в полной силе. Потом надо идти на юг, но дайте сперва переформировать. А мне говорят — ты контрреволюционер.

Ковал[евский]. Позвольте мне охарактеризовать ту рабочую обстановку военного совета, которая была. Я не буду вдаваться в подробности, а одно укажу, что было издано три приказа: один А, два А и три А. Так как было доказано, что приказы пишутся, но на деле не исполняются, я спросил Сталина и Минина — а как насчет исполнения. — Мы примем серьезные меры. Мы хотели образовать ударные группы 2–3 августа, когда выяснилось, что Филоново потеряно и Арчеда тоже, положение было критическое, снарядов мало, орудий тоже, грузы застряли в Камышине. Военный совет решил образовать Северную ударную группу, чтобы в эту группу 5–6000 набрать, ударить по железной дороге, дойти до Медведицы и правым флангом на Камышин. Я предполагал, что это маленькая группа, которую легко разбить. Действительно написали приказ группе Ворошилова, прежней [П.П.] Харченко нужно было дать батарею, а с Тихорецкой 2000. Вызывает Военный совет Харченко, командующего этим фронтом и начинает убеждать, что этот приказ такой, что его необходимо исполнить, потому что, сами понимаете, что если перережут Волгу, то всем нам капут. Он понимает и едет с тем, чтобы исполнить. Вызывают Ворошилова, тоже убедили. Затем запрос был от Харченко, что эту операцию необходимо немного отсрочить. Я написал в докладе, что при такой обстановке фактически нет возможности это исполнить. Я говорил и Высшей военной инспекции, что, прежде всего, заставьте войска исполнять приказания, и все будет великолепно. Я говорил, что может быть здесь нужен не один Подвойский, а 20 человек, но иначе мы ничего сделать не можем. Я знал, что если будет неудача, а я в ней не сомневался, то скажут, что нарочно так делает. Затем, я недаром с опасностью для жизни вывез жену и четверых детей из Валук и привез в Царицын, так неужели же я, имея всю семью с собой, мог бы такую штуку выкинуть. Одно то, что при мне такое семейство, спасало меня от всяких подозрений, что я мог бы что-нибудь выкинуть, это было бы слишком наивно с моей стороны и просто преступлением. Я, откровенно говоря, боялся оставлять в Царицыне и боялся, что не только мне, но и семье моей могут что-нибудь сделать, потому что в течение двух месяцев подвергался два раза опасности. При аресте у меня отобрали все и главное то, что дороже всего — ту лошадь, которую я вывез из плена. Я прошу меня как-нибудь компенсировать за все это, потому что я не заслуживаю того, чтобы со мной так поступали»⁵³.

Семья много значила для Ковалевского, и этот довод в пользу его неучастия в подпольной работе представляется весомым. После расстрела Ковалевского его супруга, потерявшая мужа в 35 лет, так никогда и не вышла замуж⁵⁴.

По мемуарному свидетельству Носовича, следствие интересовалось причинами успехов красных после отстранения Носовича и Ковалевского.

На это Носович ответил, что в Царицыне не проверяли, как бы обстояло дело, если бы спецов не отстранили, возможно, что и лучше. Более того, Носович сам перешел в контратаку, заявив, что с 1 по 10 августа Сталин и Минин, обнаружившие неприкосновенный запас патронов, раздали их в войска, в результате чего были нерационально израсходованы 17 миллионов патронов на 30 000 бойцов.

Бывший генерал П.П. Сытин выразил уверенность в том, что Носович и Ковалевский, даже если бы они были саботажниками и подпольщиками, его обмануть не смогут. Было решено арестованных освободить и использовать в операции в районе Балашова. Сытин заблуждался, поскольку у Носовича остались все прежние материалы, организация и приобретенный в Царицыне опыт.

Среди сотрудников Высшей военной инспекции, по свидетельству Носовича, у подпольщиков оказались единомышленники — заместитель председателя военной секции инспекции бывший полковник 1-й гвардейской артиллерийской бригады В.А. Миллер, бывший капитан Калисский (Каллиский), бывший подьесаул, слушатель ускоренных курсов Военной академии П.В. Куликов, а также стенографистка Н.В. Востокова. Миллер действительно известен как член военной организации «Национального центра», расстрелянный в 1919 г. большевиками в Москве⁵⁵. Калисский же значился среди сотрудников инспекции, расследовавших дело Носовича⁵⁶. По свидетельству Носовича, позднее он бежал к белым. Востокова была расстреляна не ранее конца 1918 г. по делу о белогвардейских организациях в штабе Южного фронта. Куликов же всю Гражданскую войну прослужил в Красной армии⁵⁷.

Разобраться, кто из военспецов лоялен, а кто представляет собой тайного врага, в той обстановке было чрезвычайно сложно. Известны критические высказывания комиссаров в адрес таких безусловно лояльных военспецов, как бывшие генералы А.Е. Снесарев и П.П. Сытин. Н.И. Подвойский резко отзывался о действиях военрука Южного участка завесы В.В. Чернавина в августе 1918 г.: *«Чернавин просто делает преступление, потому что уехал на 2-3 дня, засел в Воронеже, тогда, когда должен сидеть, по меньшей мере, в Балашове, а еще бы лучше в Поворине. Он просил поехать в Тамбов смотреть базу, потом в Борисоглебск проверить силы, потом в Воронеж, чтобы забрать управление. Он уехал 8-го, 9-го, если не раньше...»*⁵⁸ Хотя управление войсками было брошено на несколько дней, речь тем не менее шла о лояльном военспеце, в отношении которого отсутствуют какие-либо подозрения в саботаже или работе на противника. На этом фоне освобождение Носовича и Ковалевского удивления не вызывает.

Ухудшение обстановки на фронте привело к свертыванию разбирательства. Как справедливо отметил Носович, *«мои судьи вместе со мной радовались моей реабилитации. Да как же им было не радоваться. Я и Ковалевский, мы оба, были им срочно нужны»*⁵⁹. Уже 25 августа Носовичу как дефицитному военному специалисту с академическим образованием было дано предписание отправиться на фронт. 28 августа недавние арестанты, как ни в чем не бывало,

участвовали в оперативном совещании у Подвойского. Примерно в те же дни Ковалевский написал военному руководителю Южного участка завесы В.В. Чернавину:

*«ст. Родничок Ю[го-]В[осточной] ж[елезной] д[ороги]
Глубокоуважаемый Всеволод Владимирович!*

Разрешите вкратце Вам доложить: дело о Носовиче и обо мне Подвойским рассмотрено, и лично им никаких упущений с нашей стороны не обнаружено. Так по крайней мере можно было понять из его разговора с Носовичем и со мною. Но так как в деле замешан нарком Сталин, то Подвойский послал о нас (или только о Носовиче, точно не могу доложить) телеграмму Троцкому со своим мнением по нашему делу. Таким образом, в благополучном исходе нашего дела, по-видимому, сомневаться нельзя. Таким образом, если Вы не раздумали о предоставлении мне должности Вашего помощника, как о том Вы мне говорили, то в интересах скорейшего назначения было бы весьма целесообразным, если бы Вы с[о] своей стороны возбудили бы соответствующее ходатайство по телеграфу перед начальником Всерос[сийского] главного штаба А.А. Свечинным, перед Троцким и Подвойским. Носович, по-видимому, получит назначение в Высшую военную инспекцию, а может быть какое-либо другое. Он также не откажется от должности Вашего помощника, которая у Вас, по Вашим словам, пока еще вакантна. Временно Носович командирован для исполнения обязанностей помощника Левицкого, а я — его начальника штаба.

Искренне уважающий Вас А. Ковалевский.

P.S. Прошу извинить за карандаш, нет чернил»⁶⁰.

31 августа Чернавин ответил, что препятствий к назначению Носовича его помощником не встречается. В итоге Носович, несмотря на подозрения, вернулся на службу в Красную армию и продолжил свою подрывную работу, причем на более высоких постах, дослужившись в итоге до должности помощника командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина.

Сравнительный анализ воспоминаний Носовича и стенограммы допроса 24 августа 1918 г. показал, что Носович в своих мемуарах в целом верно изложил эти факты. Из имеющихся материалов видно, что допрос осуществлялся Н.И. Подвойским без привлечения документов о деятельности Носовича и его сотрудников в Царицыне. Единственно, чем располагал Подвойский, — это свидетельствами сотрудников самой инспекции и краткой информацией из Царицына. Разумеется, в такой обстановке Носовичу было несложно оправдаться, назвать виновниками других и запутать неосведомленного Подвойского, представив себя жертвой стремления к регулярным порядкам в создававшейся Красной армии и борцом с партизанщиной.

Носович последовательно и даже слишком спокойно изложил свои оправдания, представив себя исключительно дельным военным специалистом. Это не может не навести на мысль о том, что схема защиты была выработана им заранее. Проверить показания Носовича и Ковалевского Подвойский попросту не мог и был вынужден верить им на слово. Осложнившаяся боевая обстановка и дефицит высококвалифицированных кадров генштабистов привели к тому, что Носовича и Ковалевского назначили в войска буквально

на следующий день после их единственного относительно серьезного допроса. Следствием этого стало продолжение подрывной работы Носовича на новых местах службы и последующий побег к казакам с ценными оперативными данными⁶¹.

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

² Подробнее см.: Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34.

³ См., напр.: Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940. С. 127.

⁴ Дудник В., Смирнов Д. Ответ профессору Э.Б. Генкиной // Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 122.

⁵ Значительная путаница в царицынских событиях характерна и для современных исследований (напр.: Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Дисс. ... к.и.н. М., 2010).

⁶ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 221–224.

⁷ Подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 218–235.

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.

⁹ Шапошник В.Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980. С. 160–161.

¹⁰ РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 45. Л. 560б.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 298. Л. 1. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи»: sovdoc.rusarchives.ru.

¹² Подробнее см.: Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии. С. 31.

¹³ Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Ростов-на-Дону, 1919. Вып. 3. Большевики в Царицыне (далее — Особая комиссия...). С. 38.

¹⁴ Сталин в Царицыне. Сталинград, 1940. С. 38.

¹⁵ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 23. Л. 1.

¹⁶ Подробнее см.: Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии. С. 18–19.

¹⁷ Шапошник В.Н. Указ. соч. С. 163.

¹⁸ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 27–28.

¹⁹ В советское время ошибочно утверждалось, что во главе этого заговора стоял сам Носович (Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940. С. 125).

²⁰ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 90.

²¹ О том, что заговорщики состояли в некоем офицерском союзе, закрытом в Царицыне, вспоминал и председатель Царицынской ЧК А.И. Червяков (Червяков А.И. Чекисты в обороне Царицына // В боях за Царицын. Сталинград, 1959. С. 291).

²² Особая комиссия... С. 34.

²³ 18 августа по новому стилю.

- ²⁴ Особая комиссия... С. 34.
- ²⁵ Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 16.
- ²⁶ Список см.: ВЧК — ГПУ. Док. и мат. / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 35-46. По подсчетам денкинской комиссии, сверх 23 человек позднее были расстреляны еще четверо (Особая комиссия... С. 35).
- ²⁷ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 474. Л. 1.
- ²⁸ На самом деле в ночь на 18 августа.
- ²⁹ Так в документе. Речь идет о **Карле Ивановиче Калнине (Калниньше)** (1884-1937) — главнокомандующем Красной армией Северо-Кавказской советской республики.
- ³⁰ В документе ошибочно — Северо-Восточного.
- ³¹ Здесь и далее — в документе ошибочно — Чеквоная, правильно — **Е.И. Чикваная**.
- ³² **Ковалев Виктор Семенович** (1883-1919) — председатель Донского ЦИК.
- ³³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 1-6.
- ³⁴ Там же. Л. 6-7.
- ³⁵ Алексеевская организация существовала как зародыш Добровольческой армии осенью 1917 г.
- ³⁶ BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 18.
- ³⁷ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 7.
- ³⁸ Здесь и далее в документе ошибочно — Зыбин.
- ³⁹ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 7-8.
- ⁴⁰ **Крачковский** занимал должность командующего Царицынским фронтом. По документам также известен **Иван Крючковский**. Возможно, речь об одном и том же человеке.
- ⁴¹ Бывший генерал **А.А. Маниковский** руководил Артиллерийским управлением РККА.
- ⁴² Бывший генерал **Е.И. Мартынов** был главным начальником снабжений РККА.
- ⁴³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 8-9.
- ⁴⁴ Так в документе. Правильно — комиссар.
- ⁴⁵ К.И. Пржебыльский был комиссаром артиллерийского управления Северо-Кавказского военного округа.
- ⁴⁶ Здесь и далее в документе ошибочно — Ворошилину.
- ⁴⁷ Так в документе.
- ⁴⁸ **Левин Рувим Яковлевич** (1898—30.10.1937) — председатель Царицынского губернского комитета РКП(б).
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 9-11.
- ⁵⁰ В документе ошибочно — Руфимович.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 11-12.
- ⁵² Там же. Л. 12.
- ⁵³ Там же. Л. 12-14.
- ⁵⁴ Интервью автора с внучкой А.Н. Ковалевского О.И. Михайловой. Санкт-Петербург, 14.12.2016 // Архив автора.
- ⁵⁵ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 409-411, 443-468, 502-514; *Волков С.В.* Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. М., 2011. С. 442.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 29.
- ⁵⁷ *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917-1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 258.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 343. Л. 6.

- ⁵⁹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1)(7)(3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 1. С. 90.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 13. Д. 45. Л. 21-21а.
- ⁶¹ Подробнее о побеге: *Ганин А.В.* «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // *Клио* (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165-175.

ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (andrey_ganin@mail.ru). Россия.